

УДК: 165.74

Нина Ковалева

ХАЙДЕГГЕР vs САРТР: КРИТИКА ГУМАНИЗМА В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена исследованию полемики щодо концепту «гуманізм» між Сартром та Гайдеггером. Зокрема, акцентуються критичні аргументи Гайдеггера з приводу «гуманістичного світогляду».

Ключові слова: Сартр, Гайдеггер, екзистенціалізм, метафізика, гуманізм, суб'єктивність.

В статті досліджується полеміка між Сартром і Хайдеггером стосовно концепту «гуманізм», акцентуються критичні аргументи Хайдеггера, пов'язані з «гуманістичним світоглядом».

Ключевые слова: Сартр, Хайдеггер, экзистенциализм, метафизика, гуманизм, субъективность.

The article explores the polemic between Sartre and Heidegger regarding the concept of "humanism", and emphasizes Heidegger's critical arguments concerning "humanistic ideology".

Keywords: J.-P. Sartre, M. Heidegger, existentialism, metaphysics, humanism, subjectivity.

И ладно, пусть хоть дураки, не соображающие в философии, и вообще отсталые люди верят, что гуманизм – это человеколюбие. Это тоже в разумных пределах охранительно для общества... Но только в разумных пределах!

И, пожалуйста, осторожно!

В. Ерофеев. Крушение гуманизма № 2

Слова из эссе Виктора Ерофеева, взятые в качестве эпиграфа, не лишены пафоса поучительности и суггестивного воздействия. Однако, что позволено литературе, не позволено философии, во всяком случае, если придерживаться рекомендации Гегеля о том, что философия должна остерегаться желания быть назидательной.

Цель статьи – проследить рефлексию по отношению к концепту «гуманизм» в философии модерна. От попытки обновления гуманизма в философии экзистенциализма Сартра до деструкции гуманизма в онтологии Хайдеггера – таков был размах этого интеллектуального движения. Актуальной представляется попытка выделить узловые моменты диалога, пересечения и скрещивания философских позиций, показать те подводные камни, которые явила философская рефлексия по данной проблеме. Задача работы – проанализировать философские

установки, обуславливающие критическую аргументацию идей гуманизма.

К середине катастрофического XX в. концепт «гуманизм» очевидно теряет свою безусловную легитимность. Употребление понятия «гуманизм» упорно наталкивается на некую теоретическую ущербность. Гуманизм как призыв к человеколюбию, к признанию человека «мерой всех вещей», наделение его статусом исходной и конечной точки философского анализа молчаливо предполагает «самопонятное» определение того, что есть человек, мир, природа, история. Это упование на «самоочевидную» значимость исключительного статуса человека, непроясненность своих теоретических предпосылок, собственной зависимости от метафизических оснований делают сомнительной законность гуманизма с теоретических позиций. Потому призывы к гуманизму, «гуманным отношениям между людьми» непрерывно проваливаются в пустоту этой теоретической неопределенности, превращаясь в означающее без означаемого, пустой знак, функционирующий исключительно как симулякр. В понятие гуманизма оказывается имплицитно включенным будто бы априори ясное представление о человеке, вне отсылок к трансцендентности. Таково антропоцентристское кредо светского гуманизма. Понятие «гуманизм» и выступает в культуре XX в. как маркер, разделяющий светское и религиозное мировоззрение, обозначающее линию разрыва между ними. Для религиозной философии гуманизм как самодостаточное человеколюбие, возвеличивание человека без и вне Бога не только абсурден, но и опасен для самого человека.

Атеистический гуманизм манифестируется в сер. XX в. в экзистенциализме как попытка реабилитации этого стершегося, девальвированного концепта. После Освенцима (ставшего в философии Т. Адорно словом-символом) такая попытка представляется и невозможной и неизбежной. Работа Сартра «Экзистенциализм это гуманизм» выходит в 1946 г. После тоталитарной катастрофы проблема непримиримого антагонизма между тотальностью и индивидом не могла быть обойдена. Эта радикальная антиномия решается Сартром утверждением несомненной приоритетности и самостоятельности уникального человеческого существования. Суверенность сознания, авторский статус личности, ее обреченность на свободу, на необходимость выбора, на драматичное осознание полной «безусловности» собственного проекта бытия и принятия на себя ответственности за свой выбор (и не только свой, так как, по словам Сартра, «выбирая себя, я выбираю человека вообще») становятся основными темами сартровских размышлений.

Этической парадигмой экзистенциализма становится идея абсолютной свободы и ответственности человека, принципиально не отсылающая ни к какой трансцендентности, ни к какому другому миру, кроме мира человеческой субъективности, исключая любые теологические авторитеты. Если Сартр и говорит о трансцендентности, то понимает ее как выход субъекта за свои собственные пределы, подчеркивая ее исключительно человеческий характер: «Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности» [1; с. 343]. «Нужно исходить из субъекта», – такова исходная точка экзистенциального анализа. Подчеркивая значение выбора и роль инициативы субъекта, Сартр утверждает, что такой выбор носит всецело сознательный характер. Исходя из идеи Декартовского *cogito*, он оспаривает фрейдистскую идею бессознательного: сознание является неизбежным атрибутом любых действий человека, тотально обеспечивающим единство личности. Такая позиция осмысливается Сартром как новый гуманизм. Сартр подчеркивает отличия экзистенциализма (равного новому гуманизму) от просветительской модели гуманизма. Новый гуманизм не верит в прогресс, отрицает априорный характер ценностей, утверждая, что ценности устанавливает сам человек («ценность есть не что иное как выбираемый вами смысл») и отвергает «идею универсальной сущности, которая была бы человеческой природой» [1; с. 337]. Новый гуманизм отказывается от опоры просветительского гуманизма – тезиса об изначально существующей природе человека. Экзистенциализм выдвигает идею о том, что человек – такой субъект, у которого существование предшествует сущности. Идею изначальной природы человека Сартр противопоставляет идею человека как проекта, который сам осуществляет себя и потому ответственен за то, что он есть.

Сартр отмежевывается и от позитивистской модели гуманизма, рассматривающей человека как цель и как высшую ценность. «Мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться на манер О. Конта. Такой гуманизм нам не нужен» [1; с. 343].

При всех попытках отмежеваться от «старого» стершегося понятия «гуманизм» Сартр сохранял в неприкосновенности основы современного понимания субъективности. Его исходная точка – автономный субъект, находящийся в сердцевине (единственного) человеческого мира. Такой субъект выступает единственным законодателем и установителем собственного бытийного проекта. Сартровский субъект становится не только исходным пунктом анализа, не только бытийным центром, но и

универсальной тотальностью, а субъективное измерение – единственно доступной ему реальностью, в которой он сталкивается только с результатами собственного выбора. Эта его единственность – основа его экзистенциального одиночества, невозможности существования с Другими («ад – это Другие»).

Сартровская попытка придать гуманизму новый смысл, отождествив его с экзистенциализмом, встречает жесткую критику со стороны того, кого сам Сартр называл атеистическим экзистенциалистом и ставил в один ряд с собой – со стороны Хайдеггера. В «Письме о гуманизме» и во всем творчестве Хайдеггера сквозной темой становится критика гуманизма, который истолковывается им как атрибут метафизики. Хайдеггер категорически не соглашается причислить свою онтологию к экзистенциализму. Различие позиций он лаконично иллюстрирует сравнением двух тезисов. Сартровскому тезису «Мы, строго говоря, находимся в измерении, где имеют место только человеческие существа» противопоставлен парафраз – «Мы, строго говоря, находимся в измерении, где имеет место прежде всего Бытие» [2; с. 203-204].

Для Хайдеггера гуманизм сущностно связан с опустошающим европейским нигилизмом – историческим движением Запада, «когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога» [3; с. 64], когда в европейской метафизике происходит роковое для западного человечества забвение Бытия. Этот процесс Хайдеггер связывает с метафизической традицией, идущей от Платона и Аристотеля и лежащей в основании европейской культуры. Эта традиция упускает онтологическое различие между бытием и сущим, что направляет европейскую культуру на все более исчерпывающий охват всего сущего, «которое становится поводом и материалом для производства и его роста» [4; с. 188]. Безостановочная и бесцельная гонка во имя достижения господства над сущим губительно опасна и для человека, становящегося объектом, сырьем, материалом для производства, теряющего свою истину и превращающегося в «работающего зверя», блуждающего по опустошенной земле.

Каким же образом в европейской метафизике происходит это роковое для человека забвение бытия? Ответ на этот вопрос – хайдеггеровский проект деструкции западной метафизики от Платона до Ницше. Эта деструкция включает критические аргументы в отношении гуманизма, сущностно связанного с метафизической традицией. Гуманизм и метафизика в европейской культуре появляются одновременно, так как являются единым процессом антропологизации мышления, движением к «антропологическому забвению». Начало метафизики и начало гуманизма

Хайдеггер усматривает в философии Платона. Платон, считает Хайдеггер, истолковывает бытие как «приход к присутствию в непотаенности», т. е. как идею, видность. Это становится далекой предпосылкой того, что бытие будет истолковано в связи со «зрением», человеческим познанием, а миру предстоит стать картиной. Двухзначность платоновского бытия как идеи связана и с истолкованием идеи как блага, т. е. того, что «делает сущее годным для того, чтобы быть сущим» [3; с. 160]. В идущей от Платона метафизической традиции происходит и гуманистический поворот, означающий рождение человека как выдвигание его на позицию субъекта. Идея о том, что человек существовал не всегда, что «родовая травма» его рождения (как субъекта) будет неизбежно преследовать антропологический проект – одна из провокативных идей Хайдеггера, сделавших его, по словам Деррида, основателем нового дискурса. Эта идея отзовется, например, в структуралистском тезисе Фуко, утверждавшим, что «человек – недавнее изобретение».

Характеризуя дометафизическое доплатоновское греческое мышление («со-мышление с бытием»), Хайдеггер настаивает, что «из сущностного понятия «subiektum» (в таком мышлении – Н. К.) мы должны ближайшим образом исключить понятие «человек», а потому также понятия «я», «самость» [3; с. 118]. По-гречески помысленный человек со-причастен, со-размерен Бытию. Он не противостоит сущему, удостоверяя как судья его достоверность и распоряжаясь покоренным миром. Потому, говорит Хайдеггер, в великое время Греции бессилён был утвердиться и гуманизм как «то философское истолкование человека, когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [5; с. 53]. По Хайдеггеру, первый «гуманизм» мы встречаем в Риме, и это есть результат разложения греческого мышления. Однако решающие трансформации метафизики, связанные с утверждением человека в роли субъекта, происходят в философии Декарта. Для Хайдеггера Декарт – основатель эпохи, в которой человек вводится как единственная мера сущего в целом, а всякое осознание сущего возводится к самосознанию человека как основанию всякой достоверности. Декартовское *cogito* означает, что самосознание современного субъекта становится единственной удостоверяющей основой и опорой всякой истины, фиксирует центральное господствующее положение человека в мире, его автономную, самореферентную, самодостаточную позицию. Господство новоевропейской метафизики субъективности становится орудием господства человека над сущим. Человек как субъект стремится к опредмечиванию действительности. Но субъект познания сам становится жертвой такой метафизической установки – человек сам превращается в

предмет. Так «бездомность становится судьбой мира» [2; с. 207]; умерщвляется, теряется сущность *Dasein*. «Гуманизм», таким образом, ведет не к свободе и ответственности личности, а, напротив, к ее исчезновению, утрате собственной индивидуальности, к безличности *Man*. В «антропологическом забвении» человеческому существованию неизбежно грозит опасность быть схваченным усредненностью, анонимностью, стать «как все».

Таким образом, «наивное» употребление понятия «гуманизм» упускает из виду «встроенность» этого концепта в европейскую метафизику, его неразрывную связь с метафизической установкой, определившей историю Запада как историю покорения мира, безостановочной гонки потребления, превращения в «наличный материал» не только природы, но и самого человека. Гуманизм с его призывами к человеколюбию, человеческой свободе и ответственности основывается – осознанно или нет – на метафизике субъективности, составляя с ней единый процесс антропологизации мышления. Потому гуманизм нельзя без разрушений просто «изъять» из этой метафизической традиции, традиции, в которой человек теряет самого себя или, как пишет Хайдеггер, «нигде больше сам с собой не встречается». Потому Хайдеггер открыто противопоставляет свою мысль «гуманизму» как метафизическому субъективизму. Он считает невозможным и опасным возрождать гуманизм, «наполнять это понятие новым смыслом или как-то иначе приобщаться к употреблению этой «модной рубрики» [2; с. 210]. Хайдеггерова критика гуманизма выносила приговор декартовскому автореферентному субъекту: современная субъективность оказывалась не носителем свободы, а источником анонимности, нивелирования человеческой индивидуальности. По точному замечанию Фуко, Хайдеггер невольно санкционировал идею «смерти человека».

Таким образом, Хайдеггер ставит беспощадный диагноз не только гуманизму как мировоззрению «взвинченной до предела субъективности», но и всему западному проекту, ставшему реализацией метафизической традиции. Сам Хайдеггер считает, что эпоха метафизики завершена (в философии Ницше), западный проект исчерпан и должно родиться новое мышление, переоткрывающее историческое существо человека, особое место которого в мире будет связано не с позицией господства над бытием, а с ролью хранителя, «пастуха бытия». Такая поэтическая метафора характерна для позднего Хайдеггера, часто пользовавшегося языком намеков.

Делая выводы, следует отметить, что хайдеггерова критика метафизики субъективности больше не позволяла с «невыносимой

легкостью» провозглашать гуманистические лозунги. После Хайдеггера лишённое рефлексии употребление концепта «гуманизм» оказывается в лучшем случае безответственной философской наивностью, ставящей «гуманизм» в положение пустого знака, функционирующего как очередной симулякр.

Радикальная деструкция метафизики, критика современной субъективности и соответственно, гуманизма составили, по словам Деррида, «небывалый прорыв», а критика картезианской субъективности стала парадигмальным основанием актуальных философских концепций, направляющих мысль на поиски самой возможности субъективности и ее статуса в современной культуре.

1. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1990. –398 с. С.319-345.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447с. С.41-63.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. С.63-177.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. С.192 - 221.
5. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. С.177-192.